

Нестерова Татьяна Вячеславовна

НЕПРЯМАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ОБИХОДНОЙ СФЕРЕ (РУССКОЯЗЫЧНОЕ ОБЩЕНИЕ)

В статье описаны не прямые способы выражения коммуникативных смыслов в обиходном общении русских, требующие дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата сообщения / текста. Рассматривая зону кооперативности (зону доброжелательных отношений коммуникантов), автор выделил и описал основные типы контекстуально-ситуативных косвенных речевых актов (в том числе намеки и манипуляцию; синкретичные и транспонированные формы; продемонстрировал их комбинаторику в структуре косвенных речевых жанров), затронул межкультурный аспект не прямой коммуникации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (47): в 2-х ч. Ч. I. С. 156-162. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81; 316.77

Филологические науки

В статье описаны не прямые способы выражения коммуникативных смыслов в обиходном общении русских, требующие дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата сообщения / текста. Рассматривая зону кооперативности (зону доброжелательных отношений коммуникантов), автор выделил и описал основные типы контекстуально-ситуативных косвенных речевых актов (в том числе намеки и манипуляцию; синкретичные и транспонированные формы; продемонстрировал их комбинаторику в структуре косвенных речевых жанров), затронул межкультурный аспект не прямой коммуникации.

Ключевые слова и фразы: не прямая коммуникация; контекстуально-ситуативные косвенные речевые акты; намеки; транспозиция; манипуляция; языковая игра; имплицатуры.

Нестерова Татьяна Вячеславовна, к. филол. н.

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

nesterova@niim.ru

НЕПРЯМАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ОБИХОДНОЙ СФЕРЕ (РУССКОЯЗЫЧНОЕ ОБЩЕНИЕ)[©]

Не прямые способы выражения коммуникативных смыслов, требующие дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата сообщения / текста, активно исследуются в работах по не прямой коммуникации (далее – НК) [4; 5]. В них НК рассматривается как коммуникативная категория, изучение которой может быть отнесено к наиболее актуальным направлениям языкознания. Существенными для НК являются такие признаки, как: 1) осложненная интерпретативная деятельность адресата (говорящий «говорит не то, что говорит»); 2) не конвенциональность; 3) ситуативная обусловленность; 4) креативность [4, с. 77].

Принимая данный термин в качестве рабочего, считаем необходимым уточнить: поскольку коммуникация сама по себе не может быть прямой или не прямой, речь идет о не прямых способах выражения речевых интенций говорящим, а также об имплицитных смыслах, которые возникают при использовании языковых и речевых средств разных уровней в той или иной коммуникативной ситуации и которые декодируются слушающим в результате логической операции имплицации с учетом контекста, прагматической информации, фоновых знаний. При этом в НК необходимо различать прагматические смыслы адресанта и адресата, а также учитывать разные типы имплицатур. Под имплицатурой нами понимается имплицитная информация, которая может быть извлечена слушающим из конкретного высказывания (результат операции имплицации). Мы выделяем: 1) имплицатуры конвенционального характера (формально-логические), которые выводятся на основании значений использованных в них слов и конструкций и связаны с различными типами пресуппозиций (*У моей сестры ноутбук сломался = У меня есть сестра. У нее есть ноутбук; Петровы опять поспорились = Мы знаем Петровых. Ссора у Петровых уже не первая*); 2) имплицатуры не конвенционального характера (имплицатуры общения), которые не являются частью конвенциональных значений языковых форм [3]. При декодировании этих смыслов необходима опора на параметры ситуации общения (мотив и цель коммуникации, официальная / не официальная обстановка общения, социальные и психологические роли говорящих, пол, возраст, воспитание, образование, место жительства, присутствие наблюдателей и т.д.) с учетом координат «свой» – «чужой», «вышестоящий» – «равный» – «нижестоящий» и контекста.

Сравним два диалога:

Диалог № 1.

Ситуация: Муж и жена по воскресеньям выезжают за город.

Жена (в субботу): Мы поедем в воскресенье за город?

Муж: Нет, у меня машина сломалась.

Диалог № 2.

Ситуация: Муж и жена – в ссоре; не разговаривают друг с другом.

Жена: Мы поедем в воскресенье за город?

Муж: Нет, у меня машина сломалась.

В диалоге № 1 речевой акт (далее – РА) жены «*Мы поедем в воскресенье за город?*» представляет собой запрос информации, а ответная реплика мужа содержит эксплицитный отказ с мотивировкой, смягчающей его категоричность: «*Нет, у меня машина сломалась*». Если мы поменяем параметры ситуации (муж и жена – в ссоре, не разговаривают друг с другом – Диалог № 2), то здесь появятся новые коммуникативные смыслы: РА жены будет не просто запросом информации, а еще и попыткой примирения. Ответная реплика мужа по-прежнему содержит эксплицитный отказ с мотивировкой, на который наслаивается новый коммуникативный смысл: муж готов нарушить молчание с целью примирения, иначе его отказ содержал бы категоричное «*Нет!*» (без смягчающей его мотивировки) и блокировал общение (или в его ответной реплике было бы коммуникативно значимое молчание).

Конечно, большую роль в декодировании таких смыслов играют интонация и невербальные компоненты общения. Так, в зависимости от интонации произнесения антропонима «Маша», мы получим разные коммуникативные смыслы: 1) «*Машиа!*» (вокатив) = «*Иди чай пить!*»; 2) «*Машиа!*» (вокатив-экспрессив со значением недовольства) = «*Ну, где же ты? Почему не идешь?*»; 3) «*Машиа!*» (экспрессив со значением запрета, возмущения) = «*Как тебе не стыдно? Прекрати сейчас же!*» (если, например, Маша грубит бабушке).

Имплицитная информация может извлекаться не только из вербальных реализаций личности. Например, записи, фотографии и рисунки, помещенные на личных страницах в соцсетях, дают информацию об авторах этих записей так же, как и их одежда, аксессуары, гаджеты или заставка на мобильном телефоне: «*Уж поверь мне, опытному пиарщику, старому полковому коню, беглый взгляд на мобилу помогает составить точное представление о человеке, его характере и материальном положении. <...> Недавно к нам приехал такой крутой перец! Весь в охране, разговаривает жестко, просто дон Карлеоне, непобедимый и непрошибаемо суровый. Вот только в качестве заставки у него на мобиле фотка любимой кошки. Знаковый штришок, о многом умному человеку скажет...» [7].*

Непрямые способы выражения коммуникативных смыслов реализуются во всех ситуациях обиходного общения русских. Нас интересуют ситуации, связанные с сохранением принципа кооперации, которые исследованы с точки зрения речевого этикета: ситуации обращения, привлечения внимания; знакомства; приветствия; прощания; поздравления; пожелания; благодарности; извинения; просьбы; согласия, разрешения; несогласия, возражения, отказа; приглашения; предложения; совета; утешения, сочувствия, соболезнования; комплимента, одобрения, похвалы. В работах, посвященных речевому этикету, описаны типизированные, ритуализованные способы выражения названных выше интенций (коммуникативно-семантические группы – КСГ), которые представлены прямыми РА (далее – ПРА) и конвенциональными косвенными РА (далее – ККРА) [19, с. 58-155]. Исследование НК в этих ситуациях практически не проводилось. Данная статья содержит анализ некоторых примеров из нашей докторской диссертации, посвященной этой проблеме.

НК в названных выше ситуациях обиходной сферы включает в себя достаточно разнородные явления. Рассмотрим некоторые из них.

1. Неконвенциональные контекстуально-ситуативные косвенные РА («вторая степень косвенности»), реализующие данные интенции (далее – КСКРА)

Смыслы, передаваемые конвенциональными знаками и их сочетаниями, находят отражение в ПРА и ККРА [17; 18]. Они распознаются в своем интенциональном значении / иллюкутивной силе в единичном высказывании, изолированном от контекста: «*Передай, пожалуйста, хлеб!*», «*Ты не мог бы передать хлеб?*» будут однозначно восприняты как РА просьбы. От таких РА следует отличать высказывания, которые в изолированном от контекста виде не распознаются носителями языка со стороны того интенционального значения, ради которого они произведены. Они получили название КСКРА [18, с. 268]. Так, сообщение «*Горло болит*» не содержит интенции отказа, хотя может такое значение получить в рамках определенной коммуникативной ситуации: – Мороженое будешь? – *Горло болит* (= *Я не буду есть мороженое, т.к. у меня болит горло*). Такие РА могут употребляться как в инициативных, так и в реактивных репликах говорящих.

Цели использования косвенных РА (далее – КРА) в обиходном общении русских различны. Чаще всего такое употребление связано с тем, что в разных коммуникативных ситуациях нам следует проявить повышенную вежливость, смягчить воздействие неблагоприятного РА на адресата (несогласия, отказа, замечания, критики и т.д.), намекнуть, пошутить, пофлиртовать, использовать иронию, речевые манипуляции.

При этом в не прямой коммуникации мы различаем: 1) коммуникативные смыслы, которые могут иметь и прямое, и не прямое выражение («*Скажи, пожалуйста, который час?*; *Не скажешь, который час?*; *Сколько сейчас?*; *Сколько на твоих?*; *У тебя есть часы?*»); 2) коммуникативные смыслы, которые могут иметь только не прямое выражение (так называемые «иллюкутивные самоубийства» (термин З. Вендлера) [2]: упрек, намек, лесть, манипуляция, флирт, ирония, шутка и др.) (примеры см. ниже).

В качестве КСКРА могут употребляться мотивировки ПРА. Например, отказ может обосновываться ссылками на: 1) физическую невозможность совершить данное действие («*У меня руки заняты*»; «*Мне не дотянуться*», «*Мне сейчас выходить*» и др.); 2) негативные последствия для здоровья («*У меня на рыбу аллергия*»); 3) временные трудности (отсутствие денег, времени, нужного человека) («*У меня денег на телефоне нет*»); 4) занятость («*Мне убираться надо*») или 5) плохое самочувствие («*Горло болит*»); 6) запрет со стороны других лиц («*Мне мама сказала быть дома*»); 7) отсроченность действий во времени («*Приходите через неделю*»); 8) переадресацию действий («*Это к психологу!*»); 9) наличие информации в другом источнике («*Посмотрите на стенде!*») и т.д. Косвенный отказ может представлять собой уход от прямого ответа и смену темы разговора:

– А сколько вам лет, простите за нескромность?

– *К науке, которую я в настоящий момент представляю, это не имеет отношения* [10] (см. подробнее: [14]). Многие из косвенных отказов являются манипулятивными.

При всем кажущемся разнообразии КСКРА среди них можно выделить наиболее частотные, типичные для той или иной ситуации общения. Здесь необходимо иметь в виду следующее: РА одной и той же группы, например, репрезентативы (сообщения) могут иметь разные интенциональные смыслы: РА «*Здесь жарко*» может выражать интенцию просьбы открыть окно, включить кондиционер; РА «*Завтрак на столе*» – интенцию приглашения к столу; РА «*Завтра я сижу с сестрой*» – интенцию отказа и т.д. И наоборот, одна и та же интенция может быть реализована различными РА. Например, интенция просьбы может выражаться репрезентативом – сообщением о физическом или психическом состоянии говорящего («*Что-то жарко*

у тебя...» = *открой окно*); рогативом, содержащим осведомление о наличии / отсутствии у партнера предмета, который нужен говорящему («У тебя есть мобильный?» = *дай позвонить*), оптативом («Так хочется есть!» = *пригласи меня в кафе; угости меня обедом*); экспрессивом – выражением эмоционально-экспрессивной оценки предмета или явления («Какие духи!» = *хочу такие же*) и т.д.

Многие из описанных нами КРА являются синкретичными: они пересекаются и взаимодействуют с другими типами РА, реализуя сразу несколько интенций, например: отказ-обещание («Завтра поговорим!»), согласие-директив (– Ты в магазин не сходишь? – *Давай сумку и деньги*); согласие-рогатив (– Ты не хочешь прогуляться? – *Куда пойдём?* (надевая куртку)); согласие-комплимент-флирт (Девушки «голосуют» на дороге. Одна из машин останавливается. Девушки: – До города не подбросите? Водитель: – *Разве можно такую красоту здесь оставить?!*); шутливое предостережение-комплимент с косвенной адресацией (*Внимание! Это вирус! Он пробрался в мою телефонную книжку, выбрал самого красивого, умного, ласкового, сексапильного и обаятельного человека и отослал ему это SMS!*) и др.

В обиходном общении русских в большинстве случаев представлены различные комбинации КРА, объединенных одной макроинтенцией. В этом случае можно говорить о формировании косвенного речевого жанра (далее – КРЖ). Такого рода комбинаторику можно наблюдать, например, в дискурсивном событии извинения. Здесь указание на ненамеренность, случайность произошедшего и невозможность предвидеть все последствия своего поступка в большинстве случаев сочетается с сожалением. Эти РА, как правило, сопровождаются объяснением ситуации, оправданием, просьбой не сердиться и обещанием компенсировать ущерб, а также экспрессивными реакциями, содержащими негативные эмоции адресанта по отношению к себе (явление автоадресации). При условии, что данные РА произносятся извиняющимся тоном (с виноватым выражением лица), их можно считать КРЖ извинения. Приведем пример:

– *Слушай, я совсем забыла... Ой, мне так неудобно... Столько работы, голова совсем не соображает... Не сердись, пожалуйста... Давай я сама ей позвоню и все объясню...* (запись устной речи).

Эти РА могут сочетаться с различными актуализаторами вежливости. Несмотря на то, что комбинаций подобного рода в дискурсе извинения, а также в других дискурсах обиходного общения – великое множество, нам удалось создать типологию их основных реализаций.

Мы считаем, что со временем КСКРА могут переходить в разряд конвенциональных. Здесь мы согласны с точкой зрения И. И. Прибыток, которая пишет: «Регулярное неконвенциональное использование языковых конструкций для достижения определенных прагматических целей придает им речевую конвенциональность, которая с течением времени может превратиться в языковую» [16, с. 26].

2. Транспонированное употребление прямых и конвенциональных косвенных этикетных РА

Транспозиция, -и, ж. (нем. *Transposition, transposition* < лат. *trānsponere* – переносить, перемещать). 3. лингв. Переход из одной части речи в другую (в неизменном виде или с добавлением аффиксов) или использование одной языковой формы в функции другой [23]. В данной статье термин «транспозиция» мы применяем только к этикетным РА (прямым и конвенциональным косвенным), чтобы разграничить их с рассмотренными выше КСКРА (которые также можно считать транспонированными). Речь идет о случаях, когда этикетные РА реализуют другие интенции (при этом их основная интенция может сохраняться, но «уходить на второй план» или элиминироваться, уступая место другим интенциям). Речевой репертуар русских богат такими транспонированными формами («Здравствуйте!»; «Будьте так любезны...»; «Спасибо!», «Соболезную!» и др.). Сравним контексты:

– *Спасибо за помощь!* (прямой РА благодарности); – Не думала, что ты способен на подлость. *Спасибо тебе за все!* (КСКРА: ирония + недовольство, возмущение);

– *Здравствуйте, Анна Ивановна! – Здравствуй, Петя!* (прямой РА приветствия); – Ты завтра идешь на заседание НСО. – *Здравствуйте!* У меня завтра тренировка (КСКРА отказа, возражения с мотивировкой + недовольство, возмущение);

– *Поздравляю тебя с праздником!* (прямой РА поздравления); – Зачет не сдал? *Поздравляю!* (КСКРА: ирония + неодобрение, недовольство, возмущение).

ПРА «Простите» / «Извините» могут употребляться в ситуации «Включения контакта», выполнять функцию привлечения внимания незнакомого человека, обращения и одновременно реализовать интенцию извинения за беспокойство, являясь амортизацией последующей просьбы. В русской речевой культуре такие способы включения контакта используются в общественных местах и являются вежливыми: «Простите, Вы не скажете, где здесь улица Волгина?».

В обиходном общении используются парадоксальные поздравления и пожелания. Они также представлены транспонированными формами ПРА («Поздравляю с...»; «Желаю...») и употребляются в шутливо-ироническом контексте. Комический эффект таких поздравлений основан на парадоксе, заключающемся в том, что поздравлять человека с явлениями, которые мыслятся как негативные, а также желать человеку плохого, – не принято: *Поздравляю с разводом!*; *Желаю тебе поскорей развестись с Павлом и выйти за меня!* (из кинофильма «Ирония судьбы, или “С легким паром!”»).

Надо отметить, что транспозиции этикетных РА в большей степени типичны для реализации недовольства, возмущения, упрека, несогласия, возражения, отказа, иронии, сарказма и, как правило, нарушают принцип кооперации в общении.

3. Намеки

Глагол *намекать* входит в группу глаголов, перформативное употребление которых приводит к иллюкутивному самоубийству, поэтому намеки относятся к области НК и имеют косвенные способы выражения. Именно КСКРА чаще всего представляют собой намеки, «когда говорящий не может или не хочет выразить передаваемую информацию буквально» [11, с. 464]. По форме намеки могут быть простым (реализовываться в виде одного КРА) или сложным (реализовываться в виде нескольких КРА). Использование намеков в обиходном общении связано с желанием говорящего не обидеть адресата, сохранить его (или свое) лицо и проявить себя как человека вежливого, тактичного; с отсутствием возможности / желания у адресанта эксплицитно вербализовать свои намерения (например, из-за соображений неудобства, стыда); с желанием говорящего скрыть передаваемую информацию от третьих лиц или снять с себя ответственность за нее, поинтриговать, пококетничать, пофлиртовать; намек может использоваться в игровых целях. «Передача (косвенного) смысла в виде намека дает возможность говорящему в любой момент “дать задний ход” и сказать: я этого не говорил, не имел в виду и т.п.» [20].

В рассматриваемых нами ситуациях обиходного общения такие намеки – достаточно частотное явление, особенно в ситуациях побуждения коммуниканта к какому-либо действию. Например:

- (1) – Пойду схожу в магазин... молока куплю. – *Ой, а у меня масло закончилось... а купить все времени нет...*
- (2) Юноша – девушке: *А у меня родители на дачу уехали. Квартира свободна;*
- (3) Девушка – юноше: *Смотри, какое симпатичное кафе. И народу мало...*
- (4) – *Извините, пожалуйста, мне нужно сделать один звонок.* – Да-да, конечно (встает со стула). *Уже ухожу.*

Большая часть таких намеков представлена репрезентативами («*Так устала, а еще мусорное ведро выносить...*»), оптативами («*Так сладенького хочется...*»; «*Вот бы мне такую машину!*»), экспрессивами («*Прелесть духи!*»; «*Какие красивые бусы!*»; «*Боже, какой запах! Как я люблю лилии!*»; «*Какая шубка!*») и содержат импликацию = «ты должен / должна совершить необходимое мне действие» (выполнить за меня работу, пригласить меня в кафе / кино / театр / на концерт, купить / подарить необходимый мне предмет и т.д.). Многие из таких намеков являются манипулятивными (см. ниже).

Намек может использоваться в ситуации выражения неблагоприятных для адресата интенций (критика, упрек, осуждение и др.). В таких случаях в речи коммуникантов часто реализуется неточное указание на денотат: используются неопределенные местоимения, неопределенно-личные конструкции, косвенные номинации и эвфемистические замены. Употребление таких конструкций вызвано желанием адресанта смягчить негативное воздействие РА на адресата, дать ему возможность спроецировать недостойное поведение неопределенного адресата на свое собственное и сделать соответствующие выводы. Вспомним диалог между Кроликом и застрывшим в его норе Винни-Пухом:

- «– Все из-за того, – сердито сказал Пух, – что выход слишком узкий!
– Нет, все из-за того, что *кто-то* пожадничал! – строго сказал Кролик. – *За столом мне все время казалось, хотя из вежливости я этого не говорил, что кто-то слишком много ест! И я твердо знал, что этот “кто-то” – не я!*» [12].

В такого рода намеках может использоваться косвенная адресация, например, при общении двух коммуникантов в присутствии третьего лица (наблюдателя), в адрес которого и направлен намек:

Мать (в присутствии отца ребенка) читает своей маленькой дочери сказку.

«Дочка: *Мамочка, почему все сказки начинаются со слов “Жили-были...?”*»

Мать: *Нет, доченька, иногда они начинаются со слов “Дорогая, мне пришлось сегодня допоздна работать в офисе...”*» (анекдот) (косвенная критика в адрес лживого мужа)

Существует достаточно распространенное мнение, что намеки в большей степени характерны для речи женщин, чем мужчин. Так, во многих исследованиях по гендерной лингвистике отмечается склонность женщин к намекам, уклончивости и к эвфемистическим заменам [9; 15]. Все это обуславливает, например, национальную специфику ритуала ухаживания, стратегий флирта.

4. Манипуляция

Манипуляция определяется как «вид психологического воздействия, используемый для достижения одностороннего выигрыша посредством скрытого побуждения другого к совершению определенных действий» [8, с. 6], т.е. корыстное речевое (и невербальное) действие для достижения собственной выгоды. При этом форма высказывания адресантом (манипулятором) сознательно избирается такой, чтобы адресат (манипулируемый) не смог догадаться о его истинном интенциональном содержании. В качестве манипулятивных выступают РА с замаскированной иллюкутивной целью. Мы различаем «холодную» манипуляцию (без учета интересов манипулируемого) и «теплую» манипуляцию (с учетом интересов манипулируемого). В последнем случае речь идет о таких ситуациях, когда процесс манипулирования развивается не по факту злого умысла, а с учетом интересов манипулируемого, например, «*ложь во спасение*» или манипуляция с целью повысить самооценку объекта манипуляции.

В названных выше ситуациях обиходной сферы нас интересуют оба типа манипуляции (при условии, что при их реализации общение не перестает быть кооперативным). При этом нами учитываются случаи, когда объект манипуляции не понимает, что им манипулируют, и случаи, когда манипулируемый догадывается об истинном значении подобных РА манипулятора и либо не подает вида, либо его реакция на факт манипуляции не нарушает принцип кооперации общения. В качестве манипулятивных в обиходной сфере часто используются обращения, просьбы, отказы, комплименты (лесть), похвала, извинения и др. Манипулятивной может быть и гипертрофированная этикетизация (например, в ситуации «навязчивого» сервиса).

Так, в приведенном ниже примере представлена «холодная манипуляция». Цель льстивых тактик манипулятора (воспитанника детского дома) – как можно скорее сформировать положительное к себе отношение со стороны окружающих его взрослых, создать благоприятную атмосферу в общении с ними с тем, чтобы получить их покровительство и далее влиять на когнитивную и поведенческую деятельность манипулируемых, используя их в своих корыстных интересах. Лесть всегда связана с нарушением максимы искренности и получением корыстной выгоды для манипулятора. Здесь мы имеем дело с лестью целенаправленной, холодно-расчетливой. Воздействие манипулятора проявляется как на вербальном, так и невербальном уровнях. Цель манипуляции достигнута, о чем мы можем судить по авторскому описанию ответных реакций манипулируемых:

«С самого раннего детства мальчик понял: его счастье зависит от женщин. Маленький Владя, чей растущий организм постоянно требовал еды, быстро сообразил, что лишнюю порцию каши можно получить от толстой поварахи тети Вали, если ненароком погладить на ее глазах противную, одышливую болонку Капу, которая вопреки всем санитарным правилам восседала на кухне. Увидав любовь Влада к собачонке, тетя Валя стала щедрой рукой одаривать симпатичного мальчика, в его тарелке всегда теперь оказывалось больше картофельного пюре и сливочного масла, чем у других пансионеров. А вечно истерично орущей Нелле Алексеевне, преподавательнице русского языка, следовало при случайной встрече сказать:

– Ой, какая вы сегодня красивая, прямо принцесса.

Очень скоро в дневнике у Влада появились четверки и пятерки по литературе. К окончанию школы Владя был твердо уверен: миром правят женщины, а любой бабой можно управлять при помощи простого нажатия на несколько кнопок. Одна хочет слышать о своей неземной красоте, другая о блестящем уме, третья любит похвалы в адрес ее детей и внуков. Для каждой можно найти “педаль газа”, надо лишь поискать» [6].

Далее представлен пример «теплой манипуляции». Манипулятивные действия пожилой женщины – няни близнецов – преследуют определенную цель – побудить соседа оказать матери близнецов материальную помощь в виде покупки необходимых для маленьких детей предметов – манежа и коляски. Сосед – состоятельный мужчина, бизнесмен – принимает активное участие в судьбе соседки – молодой женщины, матери близнецов, оказавшейся в трудной ситуации (от нее ушел муж, и она, оставшись без материальной поддержки и помощи с маленькими детьми на руках, тяжело заболела). Косвенные просьбы-намекы няни имеют форму рассуждений, при этом она не обращается прямо к адресату, а «как бы говорит сама с собой» в его присутствии, рассчитывая на то, что манипулируемый (сосед) примет эти рассуждения на свой счет (косвенная адресация). Эти манипулятивные тактики, безусловно, отличаются от рассмотренных выше, и их, скорее, можно считать «теплой» манипуляцией, так как она осуществляется с благими намерениями – помочь попавшей в беду женщине – и не содержит корыстных интересов манипулятора. Адресат манипуляции «прочитывает» данные речевые действия как манипуляцию («Он не возражал, только посмеивался над простодушным лукавством пожилой женщины»), однако «подыгрывает» няне, и ее манипулятивные просьбы-намекы имеют запланированный перлокутивный эффект – согласие в ответ на косвенную просьбу-намек в виде покупки манежа и коляски:

«Тамара Ивановна тихой сапой подталкивала его на решение материальных проблем соседки. Он не возражал, только посмеивался над простодушным лукавством пожилой женщины. – Вот манежа нет, – вздыхала Тамара Ивановна, словно говоря сама с собой. – Так было бы хорошо – посади туда детей и живи спокойно. Двоим-то в кровати тесно, а по полу дует, да и уползают они. Но где Зине на манеж денег взять? На следующий день Петров приносил манеж. – Уже неделю дети на улице не были, – сокрушалась Тамара Ивановна. – Конечно, разве я могу их в этой коляске возить? Вывалятся они, большие уже. Им нужна другая, с креслицами. Я видела, для близнецов спаренные делают. Дорогие, поди. Петров покупал коляску» (Н. Нестерова «Позвони в мою дверь» [13, с. 31-32].

5. Языковая игра, шутки, анекдоты и т.д.

Эти явления представляют собой источники имплицитных коммуникативных смыслов, связанных с реализацией комического эффекта, и находят отражение во всех ситуациях обиходного общения, однако в большей степени они представлены в коммуникативной ситуации поздравления-пожелания и связаны с языковой игрой, которая проявляется здесь на разных уровнях. Это могут быть и фонетические деформации слов: *Поздра-АВ-АВ-ляем! Гав, два, три, четыре! Лучшие всех ты в мире!*; разного рода окказиональные образования: *Пусть будет этот Новый год прекрасным, замечательным, подарочно-дарительным, сюрпризно-получательным!*; контаминация: *Пусть обломинго – нелепая птица... Рядом с тобой не смеет кружиться!* (обломиться + фламинго); омонимия: *Пусть будут у тебя наличные, / Потрать их на своё, на личное!*; паронимия (парономасия): *Желаю море удачи и дачу у моря!*; сознательное нарушение морфологической нормы: *Желаю тебе сбычи мечт!* и многое другое. В большинстве случаев в поздравительных текстах мы наблюдаем сочетание разных средств и приемов языковой игры.

Наиболее распространённой разновидностью шуточных поздравительных креолизованных текстов, содержащих комбинацию средств разных семиотических систем, являются открытки, составные части которых создают эффект обманутого ожидания. В них иллюстративно-визуальный ряд имеет решающее значение в восприятии текста. На первой странице таких открыток представлено начало текста, как правило, нетипичное для РЖ поздравления, поскольку оно содержит неблагоприятные для адресата РА, а на второй – совершенно неожиданная его концовка: *Пусть в Новом году у тебя будет две большие проблемы... Слишком много денег и слишком много удовольствий!* [24].

Большинство текстов «голосовых» поздравлений-пожеланий, представленных в Интернете, являются жанровыми гибридами, т.е. содержат признаки сразу нескольких жанров (поздравление-тост; поздравление-

гадание; поздравление-гороскоп; поздравление-розыгрыш; поздравление-проклятие и т.д.). Так, например, следующий текст содержит в себе и поздравление, и предупреждение: *Будь осторожнее! За тобой следят, тебя разыскивает очень много людей! Берегись! Они все хотят тебя... поздравить с Днём Рождения!* Многие из них пародируют речевой репертуар известных людей: политиков, певцов, телеведущих и т.д. (прием речевой маски) (см. подробнее: [13]).

Анализ НК имеет культурологическую ценность. Термины «прямое» и «непрямое» общение неодинаково понимаются в разных культурах. А. Вежицкая в статье «Культурная обусловленность категорий “прямота” vs. “непрямота”» [1, с. 136-159] пишет о том, что за использованием тех или иных форм в разных культурах могут стоять разные принципы общения и ценности, и те смыслы, которые считается недопустимым выражать прямо в одной культуре, вполне допустимо выражать в другой, и, наоборот, те смыслы, которые обязательно должны быть выражены в речи для нормального протекания коммуникации в рамках одной культуры, могут быть несущественными в другой. Так, в работах, посвященных японской лингвокультуре, японские способы говорения часто описываются как «непрямые» и противопоставляются английским способам говорения, которые, по сравнению с японскими, считаются более «прямыми». В работах О. Mizutani & N. Mizutani [25], N. Nonna & V. Hoffer [22] и многих других авторов, пишущих о японском языке и японской культуре, отмечается, что при вежливом разговоре на японском языке чрезвычайно важно «звучать непрямом». В то же время существуют культуры, в которых вежливым является не обращение к непрямым средствам и побуждение адресата совершить дополнительные интерпретативные усилия при их декодировании, а наоборот, точное выражение своей мысли и избавление адресата от необходимости делать ненужные умственные усилия. Примером может быть израильская культура, которой присуща «прямота» как ценностная ориентация (об этом пишут Blum-Kulka [21]; Schiffrin D. [26]).

В славянских культурах можно найти много общего в употреблении средств НК. Так, в болгарском языке (как и в русском) представлены как ККРА (*Можете ли да ми кажете... / покажете...? – Не могли бы вы мне сказать... / показать...?* и др.), так и КСКРА. Например, в ситуации отказа могут быть употреблены РА *Избяга от бензина* (Кончился бензин); *Не стартираше машината* (Не заводится машина); *Аз съм на диета* (Я на диете); *Имам алергия* (У меня аллергия); *Ние бързаме* (Мы спешим); в ситуации просьбы – *Аз искам да ям* (Я хочу есть); *Тоалетната не е тоалетна хартия* (В туалете нет туалетной бумаги); *Не са чаши / чинии* (Здесь нет стакана / тарелки); *Бих искал да отиде на опера* (Мне бы хотелось сходить в оперный театр); *Аз замръз* (Я замерз); *Аз много горещо* (Мне очень жарко) и др.

С нашей точки зрения, для того чтобы сделать вывод о «прямоте» или «непрямоте» той или иной речевой культуры, необходимо учитывать, что именно в ней понимается под терминами «прямое» / «непрямое» (так как это понимание не одинаково для различных культур), а при описании средств и способов НК обязательно рассматривать не только конвенциональные косвенные средства выражения речевых интенций, но и неконвенциональные, а также сферу и среду общения.

В заключение отметим, что создание типологии КСКРА и других единиц НК имеет большое значение для описания подобных явлений в других сферах общения и типах дискурсов. Результаты такого описания могут быть полезны как для дальнейшего изучения обиходного общения, межкультурной коммуникации, речевых жанров, речевого этикета, так и в практической деятельности преподавателей, занимающихся проблемами общения и преподавания языка (в том числе и русского языка как иностранного). Перспективным направлением является сопоставительное описание языков и культур на основе использования в них явлений НК.

Список литературы

1. **Вежицкая А.** Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота» // Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Дементьев. Саратов: Изд-во Гос УНЦ «Колледж», 2003. С. 136-159.
2. **Вендлер З.** Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 238-250.
3. **Грайс Г. П.** Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 217-237.
4. **Дементьев В. В.** Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.
5. **Дементьев В. В.** Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 248 с.
6. **Донцова Д.** Две невесты на одно место [Электронный ресурс]. URL: <http://domknig.com/readbook/2319/page63.html> (дата обращения: 23.02.2015).
7. **Донцова Д.** Золушка в шоколаде [Электронный ресурс]. URL: <http://ka4.ru/web/110039/108296-109376> (дата обращения: 23.02.2015).
8. **Доценко Е. Л.** Механизмы психологической защиты от манипулятивного воздействия: автореф. дисс. ... к. психол. н. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1994. 19 с.
9. **Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н.** Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 90-136.
10. **Ильф И., Петров Е.** Двенадцать стульев [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0100.shtml (дата обращения: 20.02.2015).
11. **Кобозева И. М., Лауфер Н. И.** Об одном способе косвенного информирования // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. М., 1988. Т. 47. № 5. С. 462-470.
12. **Милн А.** Винни-Пух и все-все-все [Электронный ресурс] / пересказ Б. Заходера. URL: <http://lib.ru/MILN/winnizah.txt> (дата обращения: 20.02.2015).

13. **Нестерова Т. В.** Косвенные речевые акты в обиходном общении русских // Современная коммуникативистика. 2013. № 6 (7). С. 26-34.
14. **Нестерова Т. В.** Непрямые (косвенные) реализации интенции отказа в речевом общении русских с позиций речевого этикета // Русский язык за рубежом. М., 2009. № 3. С. 45-55.
15. **Пиз А., Пиз Б.** Язык взаимоотношений (Мужчина и женщина) [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/piz_alan/yazik_vzaimootnosheniy_muzhchina_i_zhenschina/read/ (дата обращения: 05.02.2015).
16. **Прибыток И. И.** Дискуссионные моменты теории непрямого общения // Прямая и непрякая коммуникация: сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Дементьев. Саратов: Изд-во Гос УНЦ «Колледж», 2003. С. 16-26.
17. **Серль Джон Р.** Косвенные речевые акты / пер. с англ. Н. В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. Теория речевых актов. С. 195-222.
18. **Формановская Н. И.** Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 480 с.
19. **Формановская Н. И.** Русский речевой этикет: нормативный и социокультурный контекст. М.: Русский язык, 2002. 160 с.
20. **Шатуновский И. Б.** 6 способов косвенного выражения смысла [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Shatunovskij.htm> (дата обращения: 20.11.2014).
21. **Blum-Kulka S.** Learning to Say What You Mean in a Second Language: A Study of the Speech Act Performance of Learners of Hebrew as a Second Language // Applied Linguistics. 1982. Vol. 3 (1). P. 29-59.
22. **Honna N., Hoffer B.** An English Dictionary of Japanese Ways of Thinking / N. Honna and B. Hoffer, eds. Tokyo: Yuhikaku, 1989. 340 p.
23. http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/36497 (дата обращения: 20.02.2015).
24. http://www.otdokhnem.ru/photo/zhivye_kartinki/animirovannyye_otkrytki/atkrytka_s_novym_godom_2013/8-0-85 (дата обращения: 20.02.2015).
25. **Mizutani O., Mizutani N.** How to Be Polite in Japanese. Tokyo: Japan Times, 1987. 160 p.
26. **Schiffrin D.** Jewish Argument as Sociability // Language in Society. 1984. No. 13. P. 311-335.

INDIRECT COMMUNICATION IN EVERYDAY SPHERE (THE RUSSIAN LANGUAGE INTERACTION)

Nesterova Tat'yana Vyacheslavovna
The Pushkin State Russian Language Institute
nesterova@nm.ru

Indirect ways of expressing communicative meaning in everyday interaction of the Russians, requiring extra interpretative efforts from the part of a message / text addressee, are described in the article. Examining the zone of cooperativity (the zone of hospitable relations of communicants), the author has emphasized and described the main types of contextual and situational indirect speech acts (among them hints and manipulation; syncretical and transposed forms, has demonstrated their combinatorics in the structure of indirect speech genres), has touched upon cross-cultural aspect of indirect communication.

Key words and phrases: indirect communication; contextual and situational indirect speech acts; hints; transposition; manipulation; language game; implicature.

УДК 378.147

Педагогические науки

Статья посвящена проблемам подготовки специалистов, готовых к ведению эффективной профессиональной деятельности в современном мире. Авторы акцентируют внимание на компонентах универсальных компетенций, к которым они относят определенный набор личностных качеств, эмоциональный интеллект и коммуникативную компетенцию; педагогических технологиях, которые помогают формировать универсальные компетенции студентов инженерного вуза в курсе дисциплины «Иностранный язык».

Ключевые слова и фразы: профессиональное сообщество; инженерное образование; универсальные компетенции; эмоциональный интеллект; педагогическая технология.

Овчаренко Виктория Павловна, к. пед. н.
Сальная Лейла Климентьевна, к. пед. н., доцент
Южный федеральный университет
ovcharenkovp@sfedu.ru; lksalnaya@sfedu.ru

ПОТЕНЦИАЛ ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК» В ФОРМИРОВАНИИ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ИНЖЕНЕРНОГО ВУЗА[©]

Перед системой высшего технического образования в России стоит задача подготовить профессионала, который сможет эффективно работать в условиях современного мира. Специфика современной профессиональной

[©] Овчаренко В. П., Сальная Л. К., 2015